

Dark
COLT

РАЗВОД ПОСЛЕ ИЗМЕНЬ?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Не сегодня!

Dark Colt

Развод, после измены? Не сегодня!

«Автор»

2025

Colt D.

Развод, после измены? Не сегодня! / D. Colt — «Автор», 2025

Он предал. Она ушла. Но тела не умеют лгать. После сокрушительной измены Лана уходит, сжигая за собой мосты. Но Арсен, brutальный и непреклонный, не намерен отпускать женщину, которая была его воздухом. Между ненавистью и страстью, унижением и тягой — их тела вновь находят путь друг к другу. Это не история о прощении. Это история о боли, искуплении и безумном влечении, которое невозможно подавить. Потому что даже если любовь умирает — желание остаётся. "РАЗВОД, после измены? Не сегодня!" — роман о том, как легко разрушить, но как трудно построить заново. И как сладко горька бывает правда.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Dark Colt

Развод, после измены? Не сегодня!

Глава 1

НОЧЬ, КОТОРУЮ НЕ ВЕРНУТЬ

Она открыла дверь резко, как ножом по воздуху.

В квартире было темно. Только слабый отсвет уличных фонарей прорезал полумрак, ложась на пол и разбивая тени. Тишина была плотной, вязкой, будто кто-то натянул плёнку между её прошлым и настоящим.

Лана стояла в коридоре, сжимая в руке телефон. На экране всё ещё было открыто сообщение без имени. Всего одно фото. Размытое, зернистое, но достаточное, чтобы сердце выстрелило в грудную клетку и разбилось о рёбра.

Арсен. Обнажённый. На фоне гостиничного номера. И она – та самая Лика – сжимающая в пальцах его лицо, будто метка на добыче.

Она не закричала сразу. Даже не заплакала. Лишь закрыла дверь, сжав зубы, и прошла вперёд, будто через минное поле. Медленно, но уверенно. Каждый шаг гремел в её голове, как взрыв. Височная боль била по черепу, как молотком. Тошнота подкатывала к горлу. В теле – дрожь. Лёд и огонь одновременно. В голове было всего одно слово: «НЕТ».

Он был дома. В их квартире. В их кровати. Спал, как ни в чём не бывало. Её предатель. Её мужчина. Муж.

Лана стояла над ним, как палач над жертвой. В горле стоял ком. Руки дрожали. В голове пульсировала фраза: «Это не он. Это ошибка. Это не может быть правдой». Но фото не исчезало. Оно кричало на неё. Убивало. Лика. Её ухмылка. Его плечи. Её ногти на его шее. Она чувствовала вкус желчи во рту.

– Проснись, – выдохнула она. – Проснись. Скажи мне, что это неправда.

Он открыл глаза. Моргнул. Улыбнулся, не сразу понимая, что её лицо было не лицом любимой жены. Это было лицо женщины, которую предали.

– Лана? Что случилось?.. – он поднялся на локтях, нахмурившись.

– Что случилось? – прошептала она и резко показала экран телефона прямо перед его лицом. – Ты мне скажи.

Он замер. Потом закрыл глаза, будто хотел исчезнуть, стереть это фото, сон, вечер, себя самого. Руки опустились. Тишина стала звенящей.

– Чёрт... – только и выдохнул.

– Чёрт?! – Лана отшатнулась, как будто он ударил её. – Это всё, что ты можешь сказать? «Чёрт»?

– Лана, пожалуйста... это было один раз, я не знаю, как так получилось... Я... Лика, она... всё было не так...

– НЕ ТАК?! – она взорвалась, голос сорвался на крик. – Ты на фото, Арсен! Голый! С ней! В постели! Что «не так»? Ты был на корпоративе, уставший? Или тебе просто захотелось новой дырки на одну ночь?!

Он встал, шагнул к ней. Уже не оправдываясь. Просто стоял, глядя прямо в глаза. Спокойно. С тяжестью. С достоинством. Без трусости.

– Я не прячусь, Лана. Сделал – отвечаю. Скажи, что хочешь знать. Я не буду врать.

– А что тут знать?! – Она пошла на кухню, открыла шкаф и с грохотом вытащила бокал. Потом второй. Потом резко развернулась и швырнула один в стену. Стекло разлетелось, как и их жизнь.

– Я пять лет ждала, Арсен! Пять лет! Терпела, когда ты отмахивался от темы детей, от разговоров о будущем! Я верила, что ты просто не готов, что тебе нужно время! А ты был готов трахнуть Лику?! Вот так – по щелчку?! Потому что с ней проще?!

Он стиснул челюсть. Его глаза вспыхнули. Он открыл рот, потом закрыл, словно борясь с собой. Вдохнул. Глухо проговорил:

– Ты знаешь, что я не умею красиво говорить. И сейчас каждое слово, как наждачка внутри. Но ты не давала мне воздуха. Ты толкала, требовала, давила... Ребёнок, разговоры о будущем – ты будто вычерчивала план моей жизни без моего участия. Я чувствовал себя... не мужчиной, а функцией. Ты видела во мне отца, проект, но перестала видеть меня.

Лана замерла. Глаза расширились. Она отступила на шаг:

– Подожди... – её голос задрожал. – То есть, теперь это я виновата в том, что ты полез к Лике? Ты серьёзно? Ты хочешь сказать, что я своими разговорами о ребёнке заставила тебя изменить?

Он тоже вздрогнул. Но не отступил. Только закрыл глаза на мгновение, затем снова взглянул в неё:

– Нет. Я не виню. Я просто объясняю. Пытаюсь. Потому что... если не сказать это сейчас, потом будет поздно. Это не оправдание. Это слабость. Моя. Не твоя.

– Слабость? – прошептала она, чуть не срываясь на крик. – Тогда почему мне больно, как будто ты меня выкинул? Почему я – в рёве, а ты стоишь и раздаёшь объяснения, как начальник на совещании?!

Она осипла от ярости:

– Я просто хотела будущего! С тобой! Я верила, что ты вырастешь, созреешь, решишься! А ты просто пошёл и выложил всё своё мужское нутро в Лику?! Потому что она не говорила о ребёнке? Потому что так проще?

Он провёл рукой по волосам, сжал кулаки, тяжело дыша:

– Нет. Я пошёл туда, потому что хотел забыться. Потому что был зол. Потому что мы отделились. Я не оправдываюсь. Я просто признаю... я сломался. Один раз. Один! Я облажался! Я был пьян. Вдрызг! Но я не из тех, кто бежит. Я остаюсь. Я стою перед тобой. Да, я сожалею. Я просто сгораю. И если ты в ярости – это по делу мне! Но я не поползу вымаливать прощения. Потому что любовь не унижается.

Лана замерла. Слова резали. Он не просил. Не лгал. Он стоял. Смотрел прямо. И от этого было ещё больнее. Потому что он был не трусом. Он был мужчиной, которого она любила. И теперь ненавидела.

– Любовь?! – Лана грустно усмехнулась, – О какой любви ты сейчас вообще говоришь?! Ты предал моё доверие... как тебе верить, после такого?...

Она пошла в спальню. Как на похороны. Каждое движение – механическое. В голове пусто. Только глухой гул. Чемодан. Вещи. Без разбора. Ночная рубашка, зубная щётка, джинсы. Даже его старая футболка, в которой она спала. Взяла и бросила обратно. Нет!

Он стоял в дверях. Молчал. Грудь его тяжело вздымалась. Он знал, что её уже не удержать. Сейчас – её выбор. Её боль. Её падение. Или её полёт.

– Лана...

– Не говори ничего. Не сейчас. И не потом.

Она застегнула чемодан. Подняла взгляд. В нём – лед и огонь.

– Я не та, кто может простить. Не после такого. Не после того, как ты дал другой женщине право стереть нашу историю. Нашу кожу. Нашу правду.

Она пошла в прихожую. Куртка. Ключи. Телефон. Сердце билось так громко, что звенело в ушах.

– ...Ты сделал это сам. Не Лика. Не алкоголь. Не случай. Ты!!!

Она вышла, не хлопая дверью. Просто закрыла. Тихо. Медленно.

На улице шёл дождь. Промозглый, липкий. Как будто небо рыдало вместо неё. Но она не плакала. Её лицо было каменным.

Её спина – прямой.

Её дыхание – рваным.

Но она шла. Уходила.

Навсегда?

Она не знала...

Он не дал ей уйти.

Когда Лана с грохотом захлопнула за собой дверь, Арсен не бросился за ней сразу. Он стоял в прихожей, сжимая кулаки, будто в них можно было удержать её дыхание, её взгляд, её запах. Нет. Он знал, она остановится. Она будет стоять в темноте, злиться, дрожать, выть внутри себя, но не заплачет. Она сильная. Она гордая. И она никогда не простит, если он не сделает первый шаг.

Он дал ей пятнадцать минут. Ровно столько. Чтобы выдохнуть, взорваться, вспомнить, как его ненавидит. И как... до сих пор хочет. Потом лишь накинул куртку и вышел.

У подъезда было сыро. Холодно. Воздух пропитан влагой, асфальт блестел. Она стояла под навесом, курила, прикрыв плечи пальто. В груди всё ещё пульсировало – не боль, не злость, а тягучее, едкое опустошение. Её пальцы дрожали, но не от холода. Мысли метались: «Зачем он вышел? Что теперь? Уйти? Вернуться? Унизиться?»

Или закричать, ударить, рухнуть прямо здесь, на мокрый асфальт, потому что боль уже не в сердце – она в коже, в горле, в каждой чёртовой клетке. Она ненавидела себя за то, что ждала, что он выйдет. За то, что всё ещё надеялась. За то, что даже сейчас хотела, чтобы он просто обнял. И исчезла бы вся грязь, всё фото, вся ложь. Но этого не будет. Потому что реальность разорвана. А он – причина. И её единственный дом одновременно.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала она, не глядя. Голос хриплый. Сломанный.

Он молча подошёл, выхватил сигарету из её пальцев и бросил в лужу. В этот момент Лана вздрогнула – не от испуга, а от гнева, который вспыхнул внутри, как порох. Это было насилие над её границей, её правом дышать, справляться, гореть своим способом. Но, чёрт возьми, часть её содрогнулась от его близости, от уверенности в движении, от того, как его пальцы на секунду коснулись её руки. Ей стало тошно от этого трепета. Она ненавидела его, но тело будто вспоминало, как он касался раньше, и взрывал её изнутри. Она хотела ударить его. И одновременно – раствориться в нём. Этим и была её попытка.

– Ты не уйдёшь.

– Не приказывай мне! – взвизгнула она. – Ты не имеешь права после всего!

– Я имею право, потому что ты моя. Даже сейчас. Даже если ты мечтаешь врезать мне по лицу.

Она шагнула назад, но он схватил её за запястье. Не жестоко, но сильно. Безболезненно, но неотвратимо. Она попыталась вырваться.

– Пусти!

– Нет. Я не отпущу. Я просрал всё, да. Но я бьюсь. Не за прощение – за нас. Я не отступлю, пока ты не помотришь мне в глаза и не скажешь, что не осталось ни капли.

Она молчала. Только дрожала. И вдруг – ударила. По щеке. Резко, звонко. Он не отпрянул.

– Ты разрушил всё, Арсен. Ты уничтожил. Ты сделал из меня никого.

– Я сделал ошибку. Одну. И если ты дашь мне шанс, я превращу эту ошибку в старт. В начало. Я не позволю, чтобы ты ушла с мыслью, что тебя можно заменить. Потому что нельзя. Ты – единственная. Понимаешь?

– Нет! – выкрикнула она. – Не смей говорить мне это! После неё, после того, как ты дал ей то, что было моим?!

– Это был срыв. А ты – моя суть. Моя боль. Моя реальность.

Он шагнул ближе, и воздух будто сгустился между ними. Схватил её за плечи – крепко, резко, как будто пытаюсь удержать не её, а себя на грани. Его пальцы впивались в тонкую ткань свитера, дыхание обжигало её лоб, щёку, губы. Он тряс её – не от злости, от отчаяния. От желания докричаться сквозь боль.

– Пусти, – прохрипела она, пытаюсь оттолкнуть его. Но руки Арсена только сильнее сжались.

– Нет. Не отпущу и буду биться за нас. До крови. До конца. Пока ты не простишь. Или не убьёшь.

Он притянул её к себе. Грубо. С силой, от которой вырвался стон, не боли, а внутреннего взрыва. Его тело сомкнулось вокруг неё, руки стали оковами. Вжался лицом в её шею, как будто искал спасение в её коже. Его сердце билось с такой силой, что она почувствовала его каждой клеткой.

– Отпусти меня, Арсен! – закричала она, изо всех сил ударив кулаками в его грудь. – Отпусти! Не смей прикасаться!

Он не отпрянул. Только стиснул зубы, дыша хрипло, тяжело, срываясь на резкие вдохи.

– Не отпущу, пока ты не скажешь, что не хочешь меня. Пока не сможешь смотреть на меня и не вспоминать, как я был в тебе.

Он резко нагнулся, подхватил её на руки, и, прежде чем она успела закричать, перекинул через плечо. Лана заорала – не от страха, от ярости.

– Я подам на развод, слышишь?! – кричала она, стуча кулаками по его спине. – САМ ПОДПИШЕШЬ! Я НЕ ПРОЦУ ЭТОГО НИКОГДА!

Её голос был хриплым, но пронзительным, будто выстрел:

– Ты думаешь, это просто секс?! Это конец, Арсен! После твоей измены, выход только один – развод! Понял?!

Её мысли метнулись в прошлое. Как он нёс её на плече тогда, в первую осень их брака, после шумной вечеринки, когда она едва стояла на ногах от смеха и вина. Как смеялся, как шептал ей в шею: «Ты – моё счастье». И теперь... те же шаги. Только вместо смеха – слёзы. Вместо поцелуев – боль.

Как буря, он ворвался обратно в подъезд. Она билась, кричала, стучала кулаками по его спине.

– Отпусти меня, мерзавец! Ты не имеешь права!

– Я имею. Потому что я знаю, ты сейчас лжёшь себе. А я – единственный, кто ещё держит твою правду.

Он донёс её до квартиры, захлопнул дверь. Поставил на пол. Лана оттолкнула его со всей силой. Он отступил, но не ушёл.

– Ты – ублюдок... – прошептала она, задыхаясь.

– А ты – моя. Только моя, – прохрипел Арсен, – Смотри на меня! Посмотри, Лана. Я – не святой. Я – не герой. Я – человек, который любит тебя до одержимости. Я рвусь внутри, когда не касаюсь тебя. Я не оправдываю себя. Я хочу тебя. Прямо сейчас. Здесь! С ненавистью. С болью. Но с правдой.

Она стояла, тяжело дыша. Щёки горели. Губы дрожали. Сердце било в висках. Её грудь вздымалась, как перед рывком.

В ней всё кричало: не позволяй! Только не сегодня, не так – не по-твоему!

Но тело предательски помнило – он её. Её мужчина. Её боль. Как оторваться от того, кто когда-то стал твоей кожей, дыханием, привычкой?

И она не сопротивлялась. Потому что колени предательски дрожали. Потому что желание рвало ей грудь, как пуля изнутри.

– Если ты скажешь «нет» – я уйду. Навсегда. Но ты не скажешь.

Он сделал шаг вперёд. Прижал её к стене. Сильное тело нависло над ней – горячее, пульсирующее. Его руки упёрлись по обе стороны от её лица, замкнув её в ловушке. Воздух между ними загустел. Дышать стало трудно... не из-за страха. Из-за близости.

Он не касался её кожи, но каждое его движение будто вспарывало воздух вокруг. Его взгляд был чёрным, яростным. Жаркое дыхание обжигало её висок, шею, губы...

– Скажи. Скажи «нет»... – прошептал он, голос сорвался в хрип. – Только скажи. И я уйду.

Лана не сказала. Не могла. В горле – узел. В теле – дрожь. Она смотрела ему в глаза, полные ярости и любви, в глаза мужчины, который разбил её... и всё ещё держал за руку.

Она вновь ударила его. Ладонью по щеке – звонко. С вызовом. Потом второй раз. Но в этих ударах уже не было силы. Только отчаяние.

– Я ненавижу тебя, – шептала она сквозь слёзы, сжав зубы.

– А я тебя люблю, – выдохнул он ей в ухо. – До судорог. До животного желания. До потери разума.

Она продолжала колотить его в грудь, но он не отпускал. Крепко держал её.

– Ты – моя. Всегда была. Всегда будешь. Даже если будешь кричать, что хочешь уйти.

Она била его кулаками в грудь. Кричала. Плакала. Но не отстранялась. Не отталкивала. Не могла. Потому что он снова вошёл в её голову. В её кожу. Внутрь неё. Потом – вцепилась в него. Словно в якорь. Словно в последнюю точку, где можно стоять, пока буря рушит всё вокруг.

Он поймал её руку, прижал. Жёстко. Без права на сопротивление. Одной рукой он сжал её затылок, запрокидывая голову, второй обвил за талию, впечатывая её в своё тело.

Губы яростно завладели её ртом. Без права на сопротивление!

И она также остервенело отвечала на его требовательный поцелуй. Кусала. И срывалась на стоны.

Арсен прервал грубый поцелуй. Посмотрел ей в глаза. Они пылали в гневе, от ненависти, и не только... также, от безудержного желания...

Они дышали одинаково – тяжело, сбито, животно.

Он развернул её к стене. Его рука скользнула между её ног. Она выгнулась. Простонала. Хотела крикнуть «нет», но вырвался только стон.

– Ты чувствуешь? – прошептал он и вновь обернул к себе лицом. – Это ты. Ты хочешь меня. Даже если ненавидишь.

Он вжался в неё. Его губы уткнулись в её шею. Она содрогнулась.

– Твоё тело не врёт тебе, Лана. Оно помнит, кому принадлежит.

Она зарыдала – не от слабости. От ярости. От безысходности. Потому что он был прав. Чёртов ублюдок был прав.

Арсен впился в её губы, разрушая все её сопротивления.

Она стонала, плакала, кусала его плечо сквозь ткань. А потом – целовала. Губы встретились, как ножи. Слишком остро. Слишком поздно...

Он выдохнул в неё, как будто жил без воздуха всё это время. Руки Ланы обхватили его спину, ногти оставляли следы. А наглые ладони Арсена блуждали по её телу, неумолимо, требовательно, будто возвращали каждую потерянную секунду.

Они рухнули на пол. Он рвал с неё одежду. Она сдирала его рубашку. Тела обнажались – не ласково, а дико, грубо, жадно.

Движения стали резкими, почти агрессивными, как в драке, в которой никто не хотел сдаваться. Его пальцы скользили по телу, обожгли кожу на талии. Он обнажал её – не медленно, не романтично, а так, как будто срывал с неё остатки защиты. Рванул блузку, пуговицы на ней разлетелись по сторонам. Припал к её груди желая содрать лифчик зубами.

Лана вскрикнула, но не от боли, от бешенства желания. Обнажённая грудь вздрогнула от его прикосновений. Соски набухли и покалывали от жара его дыхания.

Одним рывком он освободил её от белья, склонился к шее, дышал в неё тяжело, с хрипом. Она выгибалась под ним, плакала и смеялась, как безумная. Его ладони обжигали, губы жгли, движения стали яростными.

Её пальцы вцепились в его волосы, дёрнули, а потом – начали расстёгивать его ремень. Он перехватил её руки, сжал запястья и прижал их к полу.

– Ты хочешь меня? – прошипел он, едва не срываясь. – Скажи. Признайся. Хватит врать себе.

– Я ненавижу тебя, – выдохнула она в ответ. – Но да, чёрт тебя побери. Я тебя хочу.

Он вошёл в неё резко. Без предупреждения. Без просьб. Как ураган, срывающий крышу. Она закричала – не от боли, от дикой разрядки. Тело содрогнулось. На долю секунды её разум протестовал. «Ты не должна», – кричало что-то внутри. Но тело не слушалось. Оно жаждало его. Каждой клеткой, каждой жилкой.

Он двигался жёстко, мощно, срывая из неё стон за стоном. Вколачивал своё орудие яростно, разрывая все сомнения. Любое сопротивление. Как хищник, рвущий добычу. Как мужчина, возвращающий то, что было его по праву.

Это было не про секс. Это было про войну. Про выживание.

Её тело выгибалось, в голове был туман. Всё вокруг исчезло. Остался только он – её предатель, её наркотик, её мужчина. И она – его боль, его сила, его проклятие.

Она закусила губу до крови. Тело вибрировало от напряжения.

Он держал её за талию. Бедрa к бедрам. Его лоб упирался в её шею. Его дыхание – жаркое, с хрипом.

– Ты не получишь развод. Не сегодня! – хрипел он с каждым толчком и продолжал таранить, всё глубже и глубже, – Ты не сможешь без меня. Скажи, что это не так! Скажи мне в лицо, Лана. Только попробуй соврать.

Она не смогла. Только захрипела, выгнулась, зажалась... и кончила первой. С бешеным криком. С разрядом, как ток. Он за ней – громко, грубо, с рыком, сжимая её так, будто вырвется, и его не станет.

Мощный оргазм оглушил их. Тела содрогались, экстаз растапливал их разногласия.

Он сжался, замер в ней. Их стоны слились. Оба рухнули, как будто из них вырвали души. Несколько минут лежали, задыхаясь. Пот, слёзы, горячие тела – всё слилось в единый хаос.

Они лежали на полу, как после бури. Он обнял её. Молча. Она не отстранилась. Только смотрела в потолок. Внутри пульсировала пустота. И стыд. И странное облегчение.

– Это не правильно... я так не хочу, – прошептала она.

– Но ты по-прежнему любишь... хочешь меня!

– Моё тело – не я. Оно... слабее.

– А душа? – спросил он.

Она не ответила. Но внутри что-то болезненно сжалось.

Он первым встал. Молча. Глядя на неё, дрожащую, с растрёпанными волосами и беззащитным взглядом.

– Ненавижу... люблю... убила бы... – сказала она, голос дрожал, прерывался, – Арс... мне лучше уйти...

– Я уйду сам, – прервал он её. – Сейчас тебе нужно побыть одной. Не принимай решение с горяча. Не руби с плеча. Я оставлю ключи. Вернусь только, если сама скажешь.

Она ничего не ответила. Лишь закрыла глаза.

Он надел куртку. Взял телефон. И, не оглянувшись, вышел.

Лана осталась. В их квартире. В своём одиночестве. В себе.

И впервые за долгое время – заплакала по-настоящему.

Глава 2

Когда за ним захлопнулась дверь, Лана осталась стоять на месте. Пустота разлилась по груди. Отпустил. Он... действительно ушёл. Дал ей свободу. Но почему от этого стало только страшнее?

Её тело ещё помнило. Оно болело по нему. Оно хотело его. Но память подбрасывала те кадры – фото. Он с другой. В номере отеля. С его рукой на чужом бедре.

«Как ты мог, Арсен. Как?» – жутко ныло в груди.

Она стояла у зеркала в ванной, закутавшись в полотенце. Её кожа покрыта мурашками. Глаза – пустые. Губы – пересохшие. Не плакала. Больше не могла. Только внутри, всё время будто кто-то рвал струны. Как будто была разорвана, но не умерла. Живая, и поэтому боль была в тысячу раз ярче.

На полу валялась его рубашка. Серая, с вытертыми манжетами. Лана подняла её, прижала к лицу, вдохнула запах... и застонала. Не от страсти. От тоски. От злой нежности, которую так ненавидела сейчас.

Она написала ему сообщение. Стерла. Написала вновь. И снова стерла.

Позвонила, и резко сбросила звонок. Села у окна. Разглядывала дождевые капли на стекле. Считала их. Мерила время в каплях.

Потом пошла по дому. Медленно. Остановилась у полки с книгами. Провела пальцем по корешкам. Нашла книгу, которую он ей подарил на первый Новый год вместе. Открыла. Там – его почерк:

«Ты – моя лучшая история. Даже если в ней будут самые тёмные главы.»

Она захлопнула книгу. Сердце заколотилось, как у зверя в клетке. В горле солёный привкус. Не слёз... Пепла!

Вечером она обнаружила его блокнот. На подоконнике. Простой, чёрный, со срезанными углами. Открытый.

«Ты сильнее, чем кажешься. И я буду ждать... Навсегда твой. Арсен.»

Она прижала блокнот к груди. А потом, резко отбросила. Не время. Не прощение. Только тишина.

Ночью она легла в их кровать. На его подушке – запах. Глухой, выветривающийся, но такой до боли родной. Её тело выгнулось в приступе безмолвной тоски. Она зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Не разрыдаться. Не позвать его вслух.

Вспомнила, как он гладил её спину по утрам, как жарко дышал в шею, как засыпал, обняв, словно боялся потерять даже во сне. И теперь – его нет! Его предательство, как нож, застряло между рёбер, мешая дышать. Всё, что она думала вечным, оказалось временным. Сломанным.

«Я не простила. Но почему мне больно, будто я изменила себе?..»

Арсен спал у брата. На диване. Полуодетый. Полусумасшедший. Его глаза были пустыми. Он не находил себе места. Только пил чёрный кофе и курил на балконе. Каждые два часа смотрел на экран телефона. Там – пусто.

– Думаешь, она простит? – спросил брат.

– Не знаю. Но я не уйду. Я дам ей время. Но потом – вернусь. Потому что она – моя жизнь. Потому что я не могу жить в мире, где её нет.

Он прокручивал в голове её лицо. Губы, которые дрожали. Глаза, в которых была ярость. Он хотел сжечь всё, что было с Ликой. Хотел стереть тот вечер, когда сорвался. Но реальность не давала поблажек. Ты либо держишь удар, либо падаешь. Он выбрал первое.

В голове всплыл момент их последней ссоры. Его голос тогда срывался:

– Ты всё время говоришь о ребёнке... давишь... А я не могу! Не готов! Не хочу! Почему ты не слышишь?!

Тогда она смотрела на него с болью и непониманием. Она думала, что он не хочет её. Не любит! А он... он боялся. Чего именно... сам не мог объяснить. Ответственности? Потери её любви, когда появится кто-то третий? Или себя – того, кем он был с отцом, в семье, которую ненавидел...

Их интимная жизнь пошла под откос. В последние полгода всё стало другим. Они занимались сексом, но как будто по привычке. Механически. Без той искры, что раньше. А Лана думала, что он устал. Или больше не любит. А он чувствовал в каждой близости невидимый вопрос: «Ты готов?» И от этого отдалялся. Сложно было контролировать каждый акт близости. Чтобы Лана не залетела, раз уж она поставила его перед фактом, что не желает больше предохраняться и пить контрацептивы. Что желает наконец-то стать матерью...

Только эта последняя ночь... после крика, слёз и боли... была как вспышка. Не примирение, не любовь... но чистое, животное возвращение. Жадность. Взрыв. Глоток жизни, которого не хватало месяцами.

Утром третьего дня Лана встала раньше. Заварила себе зелёный чай. Без сахара. Без слов. Смотрела, как завихряются листья в кружке. Как всё продолжает двигаться, даже если ты не хочешь.

Она не знала, что делать дальше. Но знала одно, Арсен дал ей выбор. Пространство. Достоинство. И этим не облегчил, а усложнил. Потому что теперь всё зависело от неё.

Она вышла на балкон. Глубоко вдохнула прохладный воздух. Где-то далеко проехала машина. Кто-то лаял во дворе. Жизнь шла. Даже когда твоя рухнула. Даже если ты стоишь в пижаме с разметавшимися волосами и пустыми глазами.

Она посмотрела в небо. Оно было серым. Но не чёрным. Значит, ещё есть шанс. Значит, можно дышать. Хотя бы начать.

На следующий день она стояла у стеклянной двери ЗАГСа. В руках – папка с документами. В груди – узел. Рядом – подруга. На всякий случай. Чтобы подстраховать, если Лана рухнет.

– Ты же можешь не подписывать сегодня. Просто подать. Подумать ещё, – тихо сказала подруга.

– Если дам себе паузу, то снова начну ждать. А я устала жить в надежде, которая убивает.

Она подписала бумаги. Медленно. Рука дрожала. Сердце грохотало. Подпись – будто приговор! Себе. Ему. Им.

– Вы уверены? – спросила регистратор.

– Не уверена, – ответила она. – Но иначе я не смогу начать дышать заново.

Развод – не финал. Это её попытка выжить. Не отомстить. Не наказать. А выбрать себя. В этот момент ей позвонил он. Она не ответила. Только смотрела на экран. Потом выключила звук. И отвернулась. Слёзы катились по щекам.

Но она шла. Прямо. Без пауз. Потому что это было не про конец любви. А про начало уважения к себе.

Потому что простить, значит позволить и дальше... срываться, изменять, разрушать всё и всех...

Как можно доверять, после этого?

Жить постоянно с оглядкой?!...

Нет!

Нужно поставить точку!

И баста!

Прошло несколько дней, а Лана всё так же просыпалась среди ночи, хватаясь за грудь – сердце стучало, как будто внутри неё бушевал пожар. Её мысли металась между воспоминаниями и реальностью, как шмель, запутавшийся в стекле.

Ей не давали покоя два слова: заявление подано.

Она сделала это. Она прошла по коридору в ЗАГС, села перед хмурой женщиной в очках, подписала бумаги. Холодно. Чётко. Без слёз. И даже не дрогнула, когда чиновница уточнила:

– Уведомление второй стороне направим сегодня.

Лана тогда кивнула. Всё! Почти конец.

Но теперь, над ней висело ощущение того, что она вынесла сама себе приговор. Без суда и следствия!

Теперь это был, как отсроченный выстрел. Время – словно капкан.

Вечером она сидела на подоконнике, закутавшись в плед. Комната была наполнена тишиной, в которой пульсировал её внутренний хаос. Пальцы теребили край кружки с остывшим чаем. За окном лил дождь, капли стекали, будто следы слёз.

В голове звучал его голос:

«Ты не сможешь без меня... Скажи, что это не так...»

Она сжала глаза. Как он смеет быть настолько прав? Почему, даже подписав заявление, она не чувствует облегчения?

В телефонной книге – его имя: Арсен.

Она прокручивала переписки, фотографии. Сердце обожгло старое видео: он смеётся, держит её на руках на пляже, а потом целует в нос.

– Ты моя. Навеки, – шепчет он в кадре.

Она нажала «удалить». Но рука дрогнула. Экран померк. Нет. Не сейчас.

Утром Лана пришла в офис. Бросила сумку на стул, включила ноутбук. Пространство вокруг будто стало теснее, как будто стены прижимались к ней. Коллеги здоровались, как обычно. Только ей мерещилось, что делают вид, что всё в порядке.

А разве она сама не делает вид, что всё идеально?!

Крепкая семья. Заботливый муж. Отличный мужик, как говорят ей вокруг...

И она чувствовала, что все всё знают. Говорят, за её спиной.

«Слышала, у Ланы развод. Он изменил ей. Фото попали в чат...»

Головная боль давила виски. Её спасала только работа. Таблицы. Сметы. Сухие цифры. В них не было боли.

И вдруг... дверь в приёмную распахнулась. Координатор в панике, или это просто ей так чудилось, подошла к ней со странным выражением лица:

– Лана, к вам... Арсен.

Она замерла. Пальцы перестали печатать. Сердце сжалось. Время застыло.

– Скажите ему, что я занята.

– Он... не уходит.

Дверь отворилась. Он вошёл. Не влетел, а вошёл тихо, как призрак. Щёки в щетине, глаза уставшие, в руке был пакет.

– Прости, – сказал сразу. – Я не лезу. Просто принёс тебе вещи. И... письмо. Можешь не читать. Но я написал.

Он поставил пакет у стены. Достал конверт.

– Ты ведь уже подала, да?

Она кивнула.

– Тогда мне нечего больше делать здесь. Но я должен сказать... я был сломлен. Тогда, в ту ночь. Это не ты. Это я. Я не мог признаться тебе, что не готов. Я боялся, что ты уйдёшь, если скажу, что не хочу ребёнка прямо сейчас... а может, даже и вообще, в целом... а вышло... ещё хуже.

Лана молчала. Она сжала руки.

– Не смей сваливать вину на меня, Арсен. Ты просто выбрал быть трусом.

– Да. И я живу с этим. Но не могу не надеяться.

Он протянул письмо.

– Всё, что не смог сказать – там. Это не о прощении. Это о нас. Если ты всё ещё помнишь, кто мы были. До всего этого...

Он развернулся.

– Я уйду. Но ты... пожалуйста, не исчезай совсем.

Когда он ушёл, Лана подошла к пакету. Внутри – её плед, папка с вырезками из газет, книга с закладкой, и – письмо.

Она раскрыла конверт, дрожащими пальцами достала листы.

«Ты не обязана меня прощать. Не обязана даже читать до конца.

Но если ты всё-таки решила – знай, я пишу это не чтобы вернуть тебя. А чтобы остаться в тебе, хотя бы как ошибка, о которой не жалеют. Ты – моё небо, Лана. Не всегда чистое. Но всегда – моё.

Я ошибся. Я сорвался. И я не прощаю себя. Но, если ты когда-нибудь снова вспомнишь, как смеялась в моих руках, то знай, я тоже это помню. И я всё ещё здесь. Живу. Жду.

Твой Арсен."

Она положила письмо на колени. Закрыла глаза.

Тишина наполнилась звоном внутренних слов, вопросов, разорванных чувств.

– Я не могу простить твоё предательство. И мне всё ещё больно...

Жизнь текла дальше.

Жизнь продолжалась, даже после подачи заявления на развод. На днях состоится слушание и дело завершится.

Тогда, почему ей было всё ещё больно?!

Скоро всё закончится и их пути разойдутся навсегда...

Может именно это и пугало её, и причиняло наисильнейшую боль?..

Отчего с каждым днем напряжение росло и разрывало внутренности.

Близость не значит прощение. А тело – не душа.

И главное сражение только начинается. Сражение с собой. Со своей болью...

Она даже представить себе не могла, как жить дальше... без него...

Глава 3

Лана не знала, зачем всё ещё оставалась в этой квартире. В их квартире. Слишком много запахов, прикосновений, теней прошлого. Её кожа вздрагивала, когда она шла по коридору – здесь он прижимал её к стене и дышал в губы. Ванная – их общий смех, брызги, мыльные руки. Спальня... Спальня была пыткой. Простыня не хранила тепло, но до сих пор пахла ими обоими.

Каждая мелочь – его чашка, оставленный флакон духов, вмятина от его тела на матрасе – казалась теперь издёвкой. Дом, который они строили вместе, стал клеткой воспоминаний. Она ходила по квартире, как по минному полю, и каждое движение взрывалось болью.

Она вытерла пыль с подоконника. Без цели. Просто чтобы занять руки. Сделала кофе. Три ложки сахара... как любит он. Выругалась, вылила в раковину. Сварила новый. Горький. Такой же, как внутри.

Села за стол, смотрела в чашку. Кофе дрожал в руках. Пальцы не слушались. Мысли путались. Бессонные ночи начали отражаться на лице – синяки под глазами, тусклая кожа, губы, покусанные до крови.

Телефон лежал на столе. Молчал. Тихо, словно боялся напоминать о нём. Арсен не писал. Не звонил. Сдержал обещание. Он ушёл достойно, дав ей пространство. Но это пространство стало пыткой. Она ждала, что он сорвётся, придёт, позвонит, будет добиваться. А он... он ждал.

– Почему ты молчишь? – кричало в голове. – Почему не рвёшься сюда? Почему не ломаешь эту дверь?!

Парадокс. Он вёл себя именно так, как она хотела. Но это вызывало ярость. Потому что означало, он её уважает. Уважает её выбор. Её свободу... А она хотела ненавидеть. А не уважать. Хотела, чтобы он был слабым. А он казался сильнее её...

Она почти хотела, чтобы он пришёл. Чтобы закричал. Взял её. Как тогда. Как всегда! Без слов, без объяснений. Только чтобы перестать думать...

Лана открыла окно. Вдохнула холодный воздух. Тяжёлый, с запахом сырости, далёких костров, осеннего вечера. Он обжигал лёгкие, прочищал сознание. Она вытащила плед, села на подоконник, завернулась, как в кокон, и просто смотрела на двор.

Люди шли с работы. Кто-то с детьми, кто-то с собаками. Шумели машины, кто-то смеялся у подъезда. Жизнь продолжалась. Без неё. Без них. И это было страшно – видеть, как мир идёт дальше, пока ты стоишь на месте, застыв в чужой ошибке.

Арсен стоял в спортзале, выбрасывая удары в грушу. Его футболка прилипла к телу, кулаки в бинтах были разбиты, но он не останавливался. Каждый удар, как наказание.

«Ты предал. Ты сам всё разрушил. Ты сам её потерял.»

Он вспоминал ту ночь снова и снова. Не как оправдание, а как пытку. Вино, злая ссора, Лика – слишком много совпадений, слишком мало самоконтроля. Он сорвался. Один раз. Но именно этот раз раздавил всё, что они строили годами.

И в его голове звучал только один голос – её. Слишком тихо. Слишком больно. Слишком сильно.

Он не хотел быть тем, кто будет умолять. Но и не мог быть тем, кто сдаётся. Он знал, что она ждёт. Она молчит, но читает каждый сигнал. Даже если не отвечает.

Он не писал, не звонил ей.

Решил дать ей время...

На что?

Подумать? Отойти? Осознать?

Осознать, что? Зачем?

Она уже подала на развод! Твою мать! Развод!
Так просто!

Он всего лишь допустил одну ошибку – сорвался единожды... а она сразу же – на развод!!!

Врезал по груше со всей дури в этот момент. Только облегчения не принесло. Ничего не приносило облегчения. Успокоения души...

Только его молчание не поможет. Не помогает! Сука! Ни разу не помогает! Пространство, что он решил ей дать, только затягивает еще глубже в пропасть и бездну!

Стиснул зубы в ярости.

Решил всё же напомнить о себе...

Напомнить, что он здесь. Рядом.

Дышит воспоминаниями о ней.

И он отправил ей фото. Старое. С их поездки в Карпаты. Она в шапке, красный нос, зубы в снегу, а глаза сияют. Он ничего не подписал. Просто фото. Потому что иногда молчание кричит громче слов.

Раздался характерный звук входящего сообщения.

Лана смотрела на экран телефона. Сердце сжалось.

Арсен.

Колебалась доли секунд и все-таки решилась. Нажала на просмотр. Фото. Карпаты. И к горлу подкатил ком. Удушающий. Что вынуждает непроизвольно слезам течь по щекам.

Она помнила этот день. Как они падали в снег, целовались, ели горячие пирожки на перевале. Счастье. Чистое, дикое счастье.

Вспомнила, как он обнимал её ночью, прижимая к себе, пока она замерзала в спальнике. Как разжигал костёр, а потом на шепоте обещал, что не отпустит никогда.

А что же теперь?

Всё это – ложь?

Она не смогла стереть фото. Но и не ответила.

Позже, вечером, в телефон пришло ещё одно сообщение:

«Я люблю тебя. Каждый день. Даже в эти дни – особенно.»

Она зажала экран в ладонях. Заплакала. Без рыданий. Просто слёзы. Горячие. Тяжёлые.

«Почему ты такой? Почему ты делаешь мне больно и любишь так глубоко одновременно?»

Она легла на кровать, свернувшись клубком. Всё внутри сжималось. Её разрывало. Между желанием уйти и потребностью остаться. Между ненавистью и любовью. Между телом, которое хотело его до боли, и сердцем, которое не могло простить.

Её пальцы скользнули по животу. Там, где он раньше клал руку по утрам. Не для секса. А чтобы просто держать. Как якорь. Как право. Как любовь. И теперь это место, было пусто. Как будто кусок её тела вырвали вместе с ним.

Лана не помнила, как прожила последние дни. Словно во сне, как сомнамбула. И вот, сегодня, наконец-то, их с Арсеном разведут. Они разойдутся, как в море корабли... возможно, это принесёт ей покой. Она перестанет думать и грезить о нём... возможно...

Судебное заседание проходило в душной комнате, где пахло бумагами, кофе и усталостью. Лана сидела напротив Арсена – руки сжаты в кулаки, взгляд упирается в стол. Он был в тёмной рубашке, исхудавший, с застывшим лицом. Взгляд – в неё. Только в неё...

Лана чувствовала, как в груди что-то рвётся, как натянутый нерв, как трещина в стекле. Она не смотрела на него. Потому что знала, если встретит его взгляд, всё рухнет

Судья – женщина лет шестидесяти, в очках и с холодной интонацией – листала документы:

– Основания? – коротко спросила она.

Лана подняла глаза:

– Измена. Утрата доверия. Желание прекратить отношения.

Судья повернулась к Арсену:

– Ваша позиция?

Он встал.

– Я не согласен на развод. Я всё ещё люблю свою жену. Считаю, что наш брак можно спасти, – его голос дрожал, но был твёрдым, – Да, я совершил ошибку. Но я готов взять ответственность. Я не прячусь. Я хочу быть рядом. Хочу всё исправить.

В зале повисла напряжённая пауза. Лана ощутила, как дыхание сбилось. Её сердце пропустило удар.

Судья долго смотрела на них, потом устало вздохнула:

– В соответствии с Семейным кодексом... в случае несогласия одной из сторон, суд предоставляет срок для примирения. Один месяц. Вызываю вас повторно через 30 дней. Воспользуйтесь этим временем с умом.

Голос судьи звучал, как молоток по стеклу: коротко, сухо, безжалостно. Лана вдруг поняла – это не просто формальность. Это точка. Или запятая. Пока – неясно.

Лана не произнесла ни слова. Только кивнула. Суд завершился, а в ней что-то оборвалось. Не потому, что развод отложен. А потому, что он – всё ещё борется. А она – всё ещё дрожит.

Они вышли из зала молча. Он шёл позади. Она, как по лезвию. Не обернулась. Потому что знала, если он позовёт, она может остановиться. А пока, нужно идти. Через боль. Сквозь себя.

Ноги несли её, но дыхание сбивалось, как у бегуна на последнем круге. В ушах гудел его голос: «Я всё ещё люблю свою жену...»

Суд дал им месяц. Месяц боли, тишины и попыток жить порознь. Но Лана знала, она дрожала не от страха развода. А оттого, что внутри ещё всё живо. Он – всё ещё её боль. Её огонь. Её ледяная пустота.

Арсен сидел в машине под окнами. Не включал фары. Просто сидел. Смотрел на её окна. Свет в спальне погас. Значит, легла. Он знал, как она засыпает, уткнувшись носом в подушку, в обнимку с одеялом, которое он называл «конкурентом».

Он закрыл глаза. Прижался лбом к рулю. Он не знал, когда сможет снова быть рядом. Но знал, что будет ждать. До последнего вдоха.

На сиденье рядом лежала коробочка. Внутри – кольцо. Не обручальное. Просто символ. Он купил его в ту самую поездку в Карпаты. Хотел подарить тогда, но показалось глупо. А теперь оно стало почти символом боли.

Он не знал, даст ли она ему шанс. Он не знал, простит ли она. Но знал, если сдаться сейчас, он предаст её во второй раз. Даже если проиграет, он не предаст снова. Он докажет. Он снова станет её домом. Даже если она отвергнет его навсегда... он останется рядом. Пока жив.

Арсен поднял взгляд на её тёмное окно. Прислушался к себе. Тишина внутри не была пустотой, она была ожиданием. Как затишье перед бурей. Или перед исцелением. Он не знал, что принесёт утро. Но знал, что этой ночью он будет рядом. Пусть даже лишь в тени её дома.

Ночь тянулась медленно, вязко. Он даже не заметил, как прошёл час. Потом ещё один. Но Арсен настойчиво продолжал сидеть в машине возле её дома. Уже который час подряд. Сигареты закончились. Музыка не спасала. Глаза резало от бессонницы. Под лобовым стеклом

висела записка с надписью: «не сдавайся». Он сам написал её два дня назад. И перечитывал теперь, как мантру.

– Ты идиот, – выдохнул он себе под нос. – Ты сам всё разрушил. Сам!!!

Он начал тереть лицо ладонями до жжения, как будто может стереть всё – себя, ошибки, прошлое. Сигарета едва держалась в пальцах, руки дрожали. Сжал руль с такой силой, до онемения, что костяшки побелели. Бессилие начало отдавать тошнотой, где-то под рёбрами.

Лица была ошибкой. Убийственной. Случайной. Да, он был пьян. Да, он был вымотан – эмоционально, морально.

Эти бесконечные разговоры о ребёнке, о сроках, о графиках овуляции, о том, что "пора уже", "я устала ждать"...

Он чувствовал, как задыхается. Но сказать нет, не мог. Потому что знал, как сильно она хочет стать матерью. А он? Он боялся. Не ребёнка. Ответственности?... да много чего!

Боялся, что не сможет быть таким отцом, каким мечтала Лана. Почему? Ответа не было на его внутренний вопрос...

Это был страх, с которым он жил, не признаваясь даже себе.

Мысли вертелись в голове не давая покоя.

Вспоминал и бранил себя без устали:

«Сука! Мразь последняя!»

И всё же...

Подсознательно пытался оправдаться Арсен. Словно Лана слышит его и поймёт его боль, его осознание ошибки...

Он вспоминал их бесконечные ссоры в последнее время.

– Я не готов! – тогда он почти закричал, глядя на неё, как в пропасть.

– А я не готова быть одной, – тихо ответила она...

...и этот голос теперь рвал его изнутри... на части...

Он вжался в кресло, словно хотел провалиться, исчезнуть.

Она тогда стояла – будто сломленная, но гордая. И не подошла. Не в тот вечер. Не после.

И так, чуть ли не каждый день.

Это жутко выматывало его.

Её молчание. Немой упрек. Либо в противовес претензии и критика. Слёзы, и взгляд с укоризной.

А в тот вечер... вспомнил вдруг, как она смотрела на него с отчаянием:

– Ты просто не хочешь детей... Скажи это честно.

И он вновь закричал в ответ, уже с откровенной яростью:

– Да! Не хочу! Сейчас! Потому что ты давишь! Потому что ты уже видишь в нас не нас – а проект! График! Циклы! Ты загоняешь меня! Я не могу дышать!

После этих слов она замолчала. Ушла в другую комнату. И в тот вечер он пошёл пить. Срываясь. Прячась. И как назло, в тот же вечер был корпоратив. Чем не повод нажраться до порсячьего визга?!...

И конечно же Лица была там же, как сотрудница... а потом, как спасительница... Дальше – всё, как в тумане. Только утром, первая вынужденная ложь... что ночевал у брата, после корпоратива и отвращение. К себе.

И снова её голос в голове, что он услышал перед уходом, когда не смог перебороть свой гнев:

– Когда ты вернёшься, Арсен?.. Когда мы снова будем "мы"?

Он тогда не ответил. Просто ушёл. А теперь возвращается к этой фразе, как к последнему шансу.

Глава 4

После суда Арсен долго не мог прийти в себя.

Прошёл день, потом второй. Тело ныло от бессонницы, душа – от бессилия. Лана не отвечала на сообщения. На звонки. Ничего. Казалось, она поставила точку. А ему оставалось только смотреть на пустоту, в которую превращалась его жизнь.

Все мысли были только о ней. О её взгляде. О том, как она дрожала, когда читала это чёртово сообщение. Как будто именно это фото вычеркнуло всё между ними. Арсен не пытался копаться – тогда не было ни сил, ни желания. Только вина. Только желание вернуть.

Но на третий вечер, сидя на балконе с бокалом виски, Арсен вдруг поймал себя на мысли, а ведь всё это – не просто стечение обстоятельств. Фото, присланное Лане. В самый уязвимый момент. Кто его сделал? Кто отправил? Почему раньше он даже не задумался об этом?

Замер на мгновение. Задумался.

Лица.

После корпоратива, она сразу исчезла – сказала, что срочная командировка, не оборачиваясь и не уточняя. Ни одного звонка, ни одного сообщения с тех пор. Почему он тогда не обратил внимания? Почему не задал вопросы? Всё потому, что сгорал изнутри от чувства вины.

До этого он не мог думать – просто не мог. Его внимание было поглощено Ланой. Её болью. Судом. Разводом.

Он винил себя. Грыз. Терзал. И только теперь... теперь пришло прозрение.

Всё это, как ловушка. Слишком вовремя. Слишком точно.

Теперь, спустя несколько дней, он начинал трезветь. Суд дал месяц на раздумья. И вот, впервые за эти дни, его голова работала не на боль, а на анализ.

Поглощённый раскаянием, он не заметил главного: кто слил? зачем? кому это выгодно?

Фото – идеально чёткое, сделанное в момент, когда он не заметил ни звука. Ни вспышки. Ни тени. Номер – корпоративный. Кто ещё знал об их нахождении?

И эта командировка... фото... его слабость... всё вдруг складывалось в цепочку. Слишком много совпадений. Слишком чистая работа.

Он встал, провёл рукой по щеке – щетина кололась, как память. Всё в нём болело. Но боль постепенно отступала, и на её место приходила трезвость. И ярость.

Пора узнать правду.

Оставил бокал на перилах балкона и медленно направился к комнате брата.

Арсен остановился перед дверью, колебался секунду, потом трижды стукнул костяшками по дереву:

– Камиль, ты не спишь? Мне нужно поговорить.

Через пару минут они уже сидели на кухне. Камиль потягивал холодный кофе, а Арсен молча листал ноутбук, с каждым кадром мрачней. Потом вдруг с силой захлопнул крышку и едва не швырнул его об стену.

– И как, по-твоему, это вообще возможно?!

Камиль чуть нахмурился:

– Что именно? Ты про фото?

Арсен кивнул:

– Я был пьян. Но это фото – оно слишком точное. Сделано изнутри. Не из окна, не из коридора. – Он потёр виски. – Лица исчезла сразу после корпоратива. Внезапно, в командировку. Ни слуху, ни духу. Я даже не спросил, куда. Мы только поссорились с Ланой, всё рушилось... Я даже не подумал, кто и как передал это фото Лане. А теперь не могу не думать.

Камиль прищурился:

– Ты уверен, что номер был «закрыт»? Что никто, кроме вас с Ликой, туда не заходил? Брат сидел на краю дивана, потягивая холодный кофе и наблюдая за ним, как за бомбой замедленного действия.

– Я вообще ни в чём не уверен. Я был пьян в доску, понимаешь?! Да и этот номер корпоративный. Мы им пользуемся в экстренных случаях. Секретари всегда делают бронь на одни и те же номера. Но это – верхний этаж. Там нет ни камер, ни соседей. Это... это чертова территория тишины. – Арсен провёл рукой по волосам, ярость в нём клубилась, как плотный дым.

Камиль нахмурился:

– То есть, по факту, в этот номер могли попасть все, кто знал про бронь? Или, скажем, кто имеет доступ к бронированию?

Арсен молчал. Взгляд упёрся в угол кухни, где стояла пустая пепельница. Он давно как бросил курить, но в последние дни выкуривал пачками.

– Это была ловушка, Камиль. Я понимаю это сейчас. Я был пьян, вымотан. Я поссорился с Ланой. Меня вымотал разговор о детях, о графиках, о давлении. А потом – корпоратив, алкоголь, и Лика, как чёртово утешение. Всё как по нотам. Чётко. Срежиссировано!

– Думаешь, Лика способна на такое?

Арсен встал. Прошёлся по комнате. Его шаги отдавались глухим стуком по паркету.

– Я не знаю. Но если да, то я это узнаю.

– Может кто-то уже знал, что ты будешь там, и специально устроил эту пьянку?! Подстроил, чтобы ты оказался в номере с Ликой. – брат смотрел на него внимательно.

– Лика... – Арсен остановился. – Надо с ней поговорить.

Он достал телефон, пролистал контакты.

– Сейчас?! – удивился Камиль.

– Сейчас. Либо она скажет правду, либо я взорву всё. – Глаза Арсена пылали. Это уже не было болью. Это была ярость. Мужская. Прямая. Без компромиссов.

Кафе, где он назначил встречу, было почти пустым. Утро, будний день. Внутри пахло свежееобжаренным кофе и тревогой.

Лика пришла с опозданием. Как всегда – безупречно одета, яркие губы, серьги в ушах звенели при каждом её шаге. Но Арсен её уже не видел женщиной. Только, как ключ к правде.

– Привет, Арс... – начала она, но он перебил:

– Кто сделал фото?

Она села. Скользнула глазами по залу, будто ища камеру.

– Ты серьёзно? Не поздоровался даже...

– Не тяни. Кто был в том отеле? Ты знала, что нас снимают?

Лика пожала плечами, сделала глоток воды.

– Этот номер всегда под бронью компании. Я что – слежу за охраной? Может, горничная. Может, кто-то из твоих недоброжелателей... ты же знаешь, тебя там не все любят. Завидуют. Боятся. Я тут при чём? Я сама – жертва, в данной ситуации.

Арсен с недоверием посмотрел на неё и вскинул бровь.

– Ты хочешь сказать, что тебя подставили вместе со мной?

– А ты как думаешь? Я что, с камерой туда пришла? Или с дрончиком?

Он скрипнул зубами, уже не различал правду и ложь. Но одно понимал точно, с этим надо копать глубже. В компании, среди своего же круга. Это не просто слив – это удар в спину. Профессиональный. Холодный. Целенаправленный.

Он встал.

– Если ты врешь – я узнаю! – Сказал тихо. Почти ласково. Но от этого Лику передёрнуло. В голове у него шумело. Он сел в машину и на автомате завёл двигатель.

Фото. Слив. Совпадения, которые не бывают случайными. Вызов на корпоратив. Лица рядом. Пьяный вечер. И затем – бомба в мессенджере Ланы.

Кто-то хотел, чтобы всё рухнуло.

И вопрос – кто? И зачем?

Возвращаясь домой, Арсен впервые за долгое время включил голосовые заметки. Он бормотал в них фразы, идеи, цеплялся за мысли:

– Кто имел доступ к броням? Кто был еще в ту ночь? Есть ли на фото EXIF-данные? Может, скрытые метки? Надо проверить.

Почувствовал, как ярость в нём сублимируется в концентрацию. Он не мог вернуть прошлое, но он мог восстановить свою правду. Не для Ланы. Для себя. Потому что с этого всё началось. И если он не докопается – никогда не успокоится.

Уже вечером, он поднялся к брату и вывалил перед ним всё:

– Мне нужно твоё IT-знание. Поможешь?

Камиль присвистнул:

– Фото отправили с ноунейм-номера. Но IP можно отследить. Дай сутки.

На следующее утро, после бессонной ночи, Арсен смотрел на город из окна. Он был, как в тумане. Но не из-за сна. Из-за мысли, а что, если... это был кто-то, кого он даже не подозревает?

Телефон завибрировал.

Камиль: «IP – отелный Wi-Fi. Фото было загружено ночью. С телефона. Час ночи. MAC-адрес не определён, но я попробую пробить IMEI через наши каналы».

Арсен сжал телефон в руке, словно хотел раздавить.

Кто ты? Кто так ненавидит меня, или хочет моего падения?..

Он закрыл глаза. Перед ним стояло лицо Ланы. Заплаканное, скомканное. И одно её слово, сказанное однажды:

– Никогда не предавай. Даже в мыслях.

Он предал. Но теперь, не простит предательства по отношению к себе. Никому.

Глава 5

Прошло несколько дней. Лана с головой ушла в работу, стараясь не думать, не чувствовать. Редакция давила сроками, а впереди намечался благотворительный вечер – один из крупнейших мероприятий сезона. Её как журналиста уже предупредили: быть в тонусе, держать руку на пульсе, готовить материалы. Она старалась держаться. Словно этим могла заглушить боль.

Но по ночам – одиночество. По утрам – пустота. Работа не спасала.

Лана проснулась рано. За окном ещё серело. В комнате витал запах ночи – немного сырости, немного тоски, немного... одиночества. Она посмотрела на часы. Пять сорок. Обычно в это время Арсен поднимался и шёл в душ. Она поворачивалась к нему спиной, а он тёплой ладонью гладил её бедро, лениво, сонно, с привычной нежностью. А теперь – пусто. Никакого касания. Только тишина.

Её тело до сих пор чувствовало его, даже если она этого не хотела. Память кожи оказалась сильнее боли. Она натянула на себя его футболку – ту самую, в которой он обычно готовил ей завтрак по выходным. Пахло им. Их прошлым. Их счастьем.

Опустилась на кухонный стул, сунула босые ноги под себя и взяла в руки чашку. Пальцы дрожали. Не от холода, а от напряжения.

В голове вертелось всё: измена, скандал, как он ушёл... и как он не исчез. Не стал умолять, не плакал, не бился в истерике, как, возможно, сделала бы она. Он ушёл – молча, по-мужски. Дал пространство. И этим убил её ещё больше.

На экране телефона – тишина. Она глупо ждала от него сообщение. Хоть строчку. Хоть эмодзи. Хоть точку. Не было...

Она встала, не дожидаясь рассвета, и поехала в спортзал. Нужно было выплеснуть что-то. Энергию. Злость. Отчаяние. Всё.

Лана вернулась домой с дрожащими ногами. Устала, но не успокоилась. Ни спорт, ни усталость не помогли забыть. Не стирали из памяти его тело, его голос, его взгляд в тот вечер – виноватый, сломленный, и всё равно любящий.

Телефон завибрировал. На экране высветилось имя абонента – мама. Мама Арсена. Она вздрогнула. Ответила вслепую.

– Лана? Это Римма Аскеровна.

Голос пробрал до мурашек. Он был до боли родным. Голос той самой женщины, которая когда-то первой протянула ей тепло в холодных стенах детдома. Не как работница, а как человек. Потом, как мама Арсена. А потом просто как своя. Ближе, чем кто-либо.

– Привет... – прошептала Лана.

– Я знаю, ты не ждала. Но я просто... не могу молчать, – Римма вздохнула. – Он приходил ко мне ночью. С бутылкой. Как тогда, помнишь, после вашего первого серьёзного скандала. Только тогда он пил. А сейчас – просто держал. Сидел, молчал. А потом заговорил. Про тебя. Про то, что натворил. Что потерял всё. Что не может простить себя.

Лана зажмурилась. Эта сцена была слишком узнаваема, слишком живая.

– Я не оправдываю его, – продолжала Римма. – И никогда не вмешивалась. Но ты ведь знаешь, Ланочка... я знаю тебя слишком давно. Ты была моей любимицей ещё до того, как он понял, что любит тебя. Я всегда гордилась тобой. И до сих пор горжусь.

Лана вцепилась пальцами в подлокотник. Её качнуло. Этот образ – Арсен ночью у мамы... молча, с бутылкой... – он бил куда сильнее, чем она ожидала.

– Я... не знаю, что сказать... – голос Ланы сорвался.

– Не надо ничего, – мягко ответила Римма. – Просто знай: я здесь. Если захочешь поговорить. Если захочешь приходи в приют, как когда-то, просто посидеть... Или, если захочешь поговорить... Я не даю. Я... просто хотела, чтобы ты знала.

Слёзы подступили. Не от слов Риммы Аскеровны, а от того, как всё вышло. Как он всё испортил... и как, несмотря ни на что, её всё равно любят. Ждут. Верят.

– Спасибо, – только и выдохнула Лана. – Это... важно.

Римма Аскеровна вздохнула в трубку.

– Береги себя. Если захочешь, просто знай, я всегда рядом.

Связь оборвалась.

А в груди остался след – живой, острый, человеческий. Потому что семья, это не всегда про кровь. Иногда – про выбор. И боль этого выбора.

Лана не помнила, кто из них первой оборвал разговор. Но после звонка Риммы что-то в ней сломалось. Или наоборот... склеилось. Слёзы лились долго, тихо, как капли весеннего дождя, стучащие по холодному стеклу. А потом вдруг стало пусто. И неожиданно ясно.

Вспомнился один вечер. Из далёкого прошлого...

Она тогда только прибыла в приют, после больницы. Простыла на весеннем сквозняке, как водится. Лежала с температурой, отвернувшись к стене. И вдруг рядом оказалась она – Римма Аскеровна. Села на краешек кровати, положила ладонь на лоб и тихо, почти шепотом, произнесла: «Ты сильная. Ты выстоишь. Но если когда-нибудь захочешь, чтобы кто-то просто поддержал тебя за руку – зови. Я рядом.»

С тех пор Лана не звала, но всегда помнила. И сейчас, после разговора с Риммой Аскеровной, всё всплыло. И голос. И рука. И чувство, что ты не одна.

Она не могла больше оставаться в городе. Каждая улица, каждый силуэт напоминал о нём. О них. О всём, что разрушилось за один день. И когда на экране высветился звонок со знакомым именем – Светка, она не раздумывая ответила.

– Лан, приезжай ко мне. Ну правда. Тут тишина, воздух свежий, и главное, никто тебя не дёргает. А то ты скоро сама себя загоняешь.

Светка. Та самая девчонка из детдома, с которой они держались друг за друга всё детство. Теперь она жила за городом, в небольшом доме, окружённом полем и тишиной. Работала в соцслужбе и иногда навещалась в тот самый интернат, где они обе выросли. В отличие от Ланы, которая уехала, Светка осталась, чтобы помогать тем, кто был на их месте.

Лана закрыла глаза и медленно выдохнула.

– Я приеду.

Дорога за город казалась бесконечной. Она включила плейлист «тишина», где не было ни слов, ни голосов – только музыка, которая не ранит. На заднем сиденье лежал ноутбук, блокнот, пара журналов.

Работа. Спасение. Зацепка за нормальность.

Благотворительный вечер приближался, и Лана уже получила редакционное задание: подготовить серию репортажей о деятельности фондов, меценатах, программах поддержки детских домов. Один из проектов, обсуждаемых на вечере, касался реконструкции приюта, в котором работала Римма Аскеровна. И где выросла Лана.

Это было больше, чем просто тема. Это было – личное.

Светка встретила её с объятиями и пледом. На крыльце уже дымилась кружка с мятным чаем.

– Ну вот и ты. Вид у тебя, как у перетёртой простыни. Давай, скидывай кожуру города, заходи.

Лана впервые за много дней улыбнулась. Светка всегда умела говорить так, что и плакать, и смеяться одновременно хотелось.

Дом был тёплым. Настоящим. Деревянные полы, плетёные ковры, запах выпечки. В углу – фотографии, книги, лампа с абажуром, которую они когда-то вместе мастерили в кружке в интернате.

Лана прошла в комнату и замерла у окна. Поле тянулось до самого горизонта. Не было ни крыш, ни фонарей, ни машин. Только ветер. Только покой.

– Я думала, ты забудешь, как выглядит трава, – хмыкнула Светка, ставя чайник на плиту.

– Забыла. Но теперь вспомнила.

Они сидели на полу, завернувшись в пледы, и пили чай с облепихой. Лана рассказывала, как ушёл Арсен. Как изменилась. Как всё рухнет и не собирается заново.

– А ты изменилась, – задумчиво сказала Светка. – Стала мягче. Глубже. Боль тебя не разрушила. Она тебя выковала.

Лана молчала. А потом вдруг прошептала:

– Я всё ещё люблю его. Даже сейчас. Даже зная всё.

Светка кивнула:

– Любовь – это не кнопка. Не выключается. Но ты можешь выключить боль. Или хотя бы поставить её на паузу.

Утром Лана проснулась раньше солнца. Прошла босиком по прохладной траве, вдыхая сырой, наполненный росой воздух. Его свежесть царапала лёгкие, но в этой резкости было что-то живое. Словно природа пыталась сказать ей: ты всё ещё здесь. Ты жива!

В голове уже крутились фразы, вступления, тезисы для статьи. Не по заданию – по внутреннему импульсу. Впервые за долгое время ей действительно хотелось писать.

Она села на веранде с ноутбуком. Открыла пустой документ. И слова полились. Впервые – легко. Не вымученно. Не через боль. Словно тишина вокруг помогала ей услышать саму себя.

За спиной хлопнула дверь. Светка вышла с двумя кружками кофе.

– Пишешь?

– Пишу.

– И что выходит?

– Правда, – улыбнулась Лана. – Наконец-то, правда.

Она подняла взгляд на рассвет. И впервые за долгое время ощутила, что впереди что-то хорошее. Необъяснимое. Но настоящее. Как предчувствие, которое ещё не обрело форму, но уже отзывается в груди.

Лана не знала, что в этот момент, в сотнях километров от неё, Арсен тоже проснулся. Встал. И набрал в телефоне навигатор.

Он ехал к ней.

И всё только начиналось.

Глава 6

Утро было ясным, наполненным звуками просыпающейся деревни. С кухни доносился аромат овсяного печенья, Светка шуршала упаковкой, а Лана допивала мятный чай, глядя в экран ноутбука.

– Нам нужно съездить в детдом, – сказала Светка, не оборачиваясь. – Составить список потребностей. К вечеру фонды собирают предложения, а у меня половины информации нет.

Лана кивнула, уже закрывая файл.

– Поехали. Надо и материал набрать. Всё равно к благотворительному вечеру готовлюсь, а тут, живая история.

Через час они уже выходили из машины, припарковавшись у ворот того самого приюта, где прошли их детство и юность. Здание снаружи мало изменилось – всё тот же светлый фасад, облупившиеся ступеньки, аккуратные кусты сирени.

Лана замерла на миг, вдохнула воздух. Будто всё вернулось. Скрип половиц, запах мела и пыльных книг в библиотеке, вечерние тихие разговоры под одеялами... Светка, заметив это, мягко взяла её под локоть:

– Всё хорошо. Мы теперь здесь, как взрослые.

– Просто... мне почему-то хотелось сюда. Сама не понимаю, – тихо ответила Лана.

Они прошли по знакомому двору. Лана чувствовала, как в груди защемило. Каждая скамейка, каждая ступенька хранили что-то из её детства. Здесь она впервые упала с качели. Здесь впервые получила в нос за то, что «слишком выёживается». А вон там, у окна, впервые заплакала, когда Римма Аскеровна отчитала её за разбитую кружку, а потом принесла новую и сказала, что «иногда даже взрослым хочется всё разбить».

В холле их встретила всё та же Римма Аскеровна – строгая, ухоженная, с тёплыми глазами. Но на этот раз в её взгляде было больше, чем забота. Что-то личное. Что-то щемящее.

– Римма Аскеровна... – Лана остановилась, будто время откатилось на двадцать лет назад.

Она встретила их по-домашнему, тепло. Обняла обеих.

– Я рада вас видеть. Особенно тебя, Ланочка. Ты как, держишься?

– Стараюсь, – чуть выдохнула Лана.

– Ланочка, милая, – мягко, почти шёпотом проговорила Римма Аскеровна, вновь обнимая её. – Ты как всегда в осень приходишь. Как лист, который ветер снова приносит на порог.

Лана улыбнулась сквозь ком в горле. Светка деликатно отошла, оставив их наедине.

– Мы приехали взять несколько интервью, – объяснила Лана. – Для фонда, для благотворительного вечера. Хочу сделать цикл историй, как детство влияет на будущее. О нас, о таких, как мы.

Римма Аскеровна кивнула:

– Хорошая идея. Только пиши честно. Чтобы не жалели, а понимали. Чтобы сердца открывали, а не слёзы выжимали. Пойдём, покажу тебе, кто остался из старичков. А потом – новые, их много. Порой мне кажется, что мы только и делаем, что встречаем и провожаем.

Впервые за долгое время Лана улыбнулась искренне, а та, поддерживая её за локоть указала взглядом:

– Пойдёмте в актовый зал. Там у нас сегодня гости – меценаты, один новый фонд. Я им покажу презентацию, а вы пока с воспитателями побеседуйте. Нам бы список обновить.

Они медленно пошли по коридору. На стенах висели детские рисунки, и Лана вдруг почувствовала, как что-то внутри неё оседает, будто пыль на старую книгу. Она вспомнила, как сама вешала свой первый рисунок здесь – дом с тремя окнами, в каждом было лицо. Тогда она сказала: «Это я, моя мама и тот, кто нас ждёт».

– Ланочка... – Римма вдруг остановилась. – Ты в порядке?

– Не знаю. Я думаю, пытаюсь писать, пытаюсь жить, но... всё время кажется, что я где-то между. Между «до» и «после». А я хочу – «вперёд».

Римма сжала её руку:

– Может, это «вперёд» ближе, чем ты думаешь. Иногда оно прячется там, где мы когда-то потеряли себя.

Они зашли в актовый зал, где уже готовилась сцена для будущего мероприятия. Волонтеры раскладывали пакеты, устанавливали стойки. Светка переговаривалась с координатором, пока Лана направилась к группе меценатов у стола с папками. Там, у ширмы с логотипами и стендом с цифрами отчёта, уже толпились люди в дорогих костюмах. Несколько женщин, двое мужчин. Один из них – высокий, с загаром и наигранной улыбкой – первым заметил Лану. Он смотрел на неё с интересом. Его взгляд был открытым, даже слишком прямым. Лана почувствовала это сразу, тот особый тип мужчин, которые привыкли получать внимание.

– Простите, мы раньше не встречались? – голос был бархатный, уверенный. – У вас... очень выразительный взгляд.

Лана слегка замерла, но привычной журналистской маской ответила:

– Бывает. Я по работе. Представляю прессу.

– Вы, значит, Лана? – он шагнул вперёд. – Журналист! От фонда?

– Да. А вы...?

– Рад познакомиться. Руслан Тихонов, фонд «Новая опора». Мы курируем несколько проектов. Возможно, и с вами пересечёмся. – Он протянул визитку, и пальцы его чуть задержались на её ладони.

Она убрала руку, чуть наклонив голову:

– Благодарю. Всё возможно.

Он ещё что-то сказал, но Лана уже отвлеклась. У входа в зал появился он.

Арсен...

Как будто время снова дёрнуло за поводок. Он вошёл уверенно, в тёмно-синем костюме, с тем самым взглядом, который жёг всё, на что падал. Его сопровождал Камиль, чуть в стороне. Но Арсен смотрел только на неё.

И всё стало плотнее. Воздух, как перед грозой.

Руслан обернулся:

– О, знакомый человек? Ваш коллега?

– Бывший, – коротко ответила она. – По всем фронтам.

Сердце пропустило удар. Она резко отвернулась, ощущая жар в теле и на щеках, что предательски начали пылать.

А Руслан продолжал говорить, не отводя пристального взгляда:

– По совместительству, я также и архитектор, спонсирую проект по реконструкции. Мы с вашей мамой, – он кивнул в сторону Риммы Аскеровны, – часто пересекаемся по этим вопросам.

– Она, не совсем моя мама... – слабо возразила Лана.

– Ну, вы понимаете. Важен смысл, а не формальность. – Он склонил голову и посмотрел на неё внимательнее. – Хотите кофе? Или лучше я покажу вам, что уже подготовлено по проекту?

Лана хотела было отказаться, но в этот момент послышались знакомые шаги за спиной.

– Не стоит. Я сам покажу, – прозвучал хрипловатый голос, в котором сразу вспыхнули искры.

Она обернулась.

За её спиной высокомерно поглядывая, стоял Арсен.

Взъерошенный, напряжённый, в тёмной рубашке, с воротом, расстёгнутым чуть больше, чем следовало. Его взгляд вонзился в Руслана, потом – в неё. Лицо было непроницаемым, только ноздри слегка подрагивали.

Он очутился рядом внезапно. Тихо. Почти незаметно. Но между ними вспыхнуло всё, что они пытались подавить.

– Арсен? – выдохнула она. – Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты. Работаю. Или... – его глаза метнулись к Руслану, – пытаюсь сохранить то, что ещё не разрушено.

Руслан, стоявший рядом, напряжённо молчал. Затем вежливо кивнул, откланиваясь:

– Ну, думаю, вам есть что обсудить. Лана, буду рад нашему разговору, когда вы будете... свободны.

Руслан вежливо улыбнулся и отошёл. Лана не смотрела ему вслед. Она пыталась дышать. Не упасть. Не сорваться.

Как только тот удалился, тишина между Ланой и Арсеном повисла густая, почти ошущимая.

– Это совпадение? – спросила она, голос предательски дрожал.

– Я не знал, что ты будешь здесь, но не удивлён. Ты не могла остаться в городе. Ты всегда приходишь сюда, когда у тебя сердце рвётся.

– А у тебя не рвётся, да? Ты просто ходишь и появляешься там, где не ждут.

Он шагнул ближе.

– Может, я прихожу туда, где ещё чувствую тебя. Пусть даже, как призрак.

Она хотела уйти, но он остановил её взглядом.

– Я не верю в случайности, Лана. Мы здесь не просто так. И я докажу тебе это. Только не сейчас... Позже.

– Я-то уж точно не случайно, по делу. А ты?

– Мой фонд тоже участвует. Плюс... это место. Оно важно для тебя. А значит, и для меня.

Она не ответила. Только отвернулась, как когда-то – в ту первую их ссору. Когда он хотел говорить, а она молчала. Тогда это был протест. Сейчас – защита.

Но внутри уже что-то дрогнуло. Присутствие Арсена, как наэлектризованный воздух перед бурей. Она чувствовала это каждой клеточкой кожи: дыхание участилось, горло пересохло, а внутри всё сжалось в тугий узел. Его шаги, взгляд, даже запах, всё это было до боли знакомо. И в то же время – опасно. Слишком!

Не смея оборачиваться к нему лицом, Лана тихо выдохнула:

– Не начинай. Не здесь и не сейчас!

– Тогда позже, – сказал он. – Но я не уеду, пока не скажу всё, что должен.

И он ушёл.

Оставив после себя запах парфюма, скомканное сердце и обещание бури.

Когда они с Светкой вошли в кабинет директора, Лана села у окна и долго молчала.

– Он приехал за тобой, да? – спросила подруга.

– Не знаю. Но он смотрел так, будто я всё ещё его. А я... не уверена, что хочу быть ничьей.

Эта встреча не прошла бесследно. Она заронила новое семя. То ли боли. То ли надежды. Но точно – продолжения. И Лана это чувствовала. Как когда-то, стоя в коридоре этого же детдома, глядя в окно, она вдруг поверила, что кто-то однажды обязательно вернётся.

Потому что есть такие дороги, с которых не сворачивают. А есть такие люди, от которых не убежать, даже если очень хочется.

Актный зал детдома гудел, как улей. По сцене суетились воспитанники, раскладывая реквизит для благотворительного вечера. У окна – стол с угощением: фрукты, пирожные, чай,

соки. Здесь собрались представители двух фондов и журналисты. Лана стояла чуть в стороне, ловя каждую деталь: запах полированного дерева, приглушённые голоса, смешок ребёнка где-то за кулисами. Она знала, что именно такие моменты оживляют её статьи.

Римма Аскеровна, строгая, но с тёплым взглядом, встречала гостей как хозяйка дома. Её глаза светились, когда она рассказывала о планах реконструкции. Рядом – Руслан Тихонов, представитель фонда «Новая опора» в дорогом костюме с уверенной улыбкой, и Арсен Гасанов, приехавший как один из авторов архитектурного проекта.

Всё шло по плану, пока дверь в зал не распахнулась с грохотом. Влетел мальчишка лет восьми, лохматый, в чужой куртке, с красной машинкой в руках. Мчался между рядами, расталкивал и протискивался между гостей. Воспитательница безуспешно пыталась его поймать. Он нёсся, как ураган, сметая на своём пути стулья и коробки с декорациями. Несколько шаров задела люстру, и та опасно качнулась. Один шар лопнул, громко хлопнув, кто-то из гостей вздрогнул.

– Саша! – Римма Аскеровна шагнула вперёд, не повышая голос, но в её тоне прозвучала железная нотка. – Немедленно, остановись!

Но Саша не собирался. Он вбежал прямо на сцену, наступил на кусок ткани и чуть не рухнул. Дети засмеялись. Руслан недовольно поморщился, несколько гостей сдержанно переглянулись. Лана, наоборот, почувствовала, как уголки губ предательски дрогнули. Она видела таких мальчишек. Словно видела себя, как когда-то, в детдоме.

Лана шагнула вперёд, присела на колени у стола, куда тот успел спрятаться:

– Эй, гонщик. Это твоя машина?

Саша прищурился, сжимая игрушку:

– А тебе что?

– Просто интересно. У меня когда-то была почти такая же. Красная, с потертым крылом. Я устраивала ей гонки прямо по подоконнику. Знаешь, кто был моим соперником?

Мальчишка насторожился:

– Кто?

– Один вредный мальчишка из нашей группы. Всегда побеждал, потому что жульничал.

– Я не жульничаю! – возмутился Саша и выбрался из-под стола. – Я честно гоняю.

– Ну тогда... – Лана протянула руку. – Покажешь мне трассу?

Он замялся, потом кивнул.

В этот момент к ним подошёл Арсен. Его появление было как смена давления в воздухе, сразу почувствовалось. Он присел на корточки рядом:

– Ты Саша, да? – спросил он, и продолжил, когда мальчик кивнул, – Когда я был мелким, тоже был таким же шепутным. Маму изводил так, что спасала только моя сестра Альбина. Никто больше со мной не справлялся.

– А она как справлялась? – спросил шалопаи.

– Устраивала гонки и всегда выигрывала. Хочешь, я тоже с вами погоняю?

Трое – двое взрослых и ребёнок – нарисовали воображаемую трассу. Смех Саши звенел в зале, как колокольчик, разбивая тишину, а лёгкие улыбки Ланы и Арсена на мгновение сняли напряжение, витавшее с момента их появления здесь.

– Ты быстро его успокоила, – тихо, почти рядом с ухом, сказал Арсен.

Лана вздрогнула. Не от слов, а от того, как близко он стоял. От тепла, которое исходило от него и мешало ей дышать ровно. Она обернулась, встретившись с ним взглядом. Арсен слегка улыбнулся, но в его глазах было что-то тёмное, глубинное, как омут, в который так легко было снова шагнуть.

– Я был таким же, – продолжил он. – Ураганом. Мама не справлялась. Только одна могла – Альбина.

– Я помню, – мягко ответила Лана, чувствуя, как внутри сжалось от воспоминаний. Когда-то он вскользь говорил о сестре. Коротко, обрывками. Всегда уходил от этой темы, и она знала, что там, за этим молчанием, что-то болезненное.

Её пальцы машинально сжали связку шаров, пока Саша, уловив, что разговор уже не про него, соскочил со сцены и, смеясь, умчался в коридор. Воспитательница поспешила за ним, а Лана осталась стоять, словно в подвешенном состоянии, всё ещё ощущая на себе взгляд Арсена.

Она медленно вдохнула, стараясь вернуть себе самообладание. Слова Арсена ещё отдавались в голове, а взгляд – жёг спину, даже когда она отвернулась. Нужно было выйти из этой воронки, дышать ровно, держать лицо.

Шаг за шагом она возвращалась к гостям. Взгляд сам собой нашёл Руслана, он стоял у стола с напитками так, будто всё это время ждал именно её. Прямая осанка, безупречный костюм, бокал с густым янтарным соком в руке. Его взгляд был не просто вежливым, он скользил по ней слишком долго, слишком пристально, как будто видел больше, чем она хотела показать.

Неприятное чувство кольнуло, выводя её из оцепенения. И пока Лана шла, ей казалось, что каждый её шаг отдаляет от Арсена... но не избавляет от напряжения, которое всё ещё дрожало в воздухе, как перед грозой.

– У вас редкий талант, – сказал Руслан, чуть склонившись к ней, когда она подошла к столу. Голос был мягкий, но в нём чувствовался подтекст, словно комплимент относился вовсе не к умению ладить с детьми. – Не каждый ребёнок отдаст своё «сокровище» без боя.

Он задержал паузу, не сводя с неё глаз, и Лана на мгновение ощутила – это не просто профессиональный интерес.

– Может, просто я знаю, каково это, быть на его месте, – ответила Лана, скрывая раздражение за столь пристальное внимание с его стороны.

Руслан мягко коснулся её локтя, жест едва заметный, но слишком личный для официальной встречи.

– Нам стоит поговорить наедине, обсудить ваш материал для фонда. Сегодня вечером, возможно?

В этот момент, Лана поймала на себе взгляд Арсена – тяжёлый, электрический. Он наблюдал издали, и его глаза темнели. Она почувствовала на себе этот взгляд, словно разряд тока. Слишком знакомое напряжение, от которого хотелось и отступить, и шагнуть навстречу. Она поймала себя на том, что сердце колотится. И знала, впереди будет ещё один разговор, и он точно не будет официальным.

Находясь под бдительным присмотром Арсена, Лана не могла сконцентрировать мысли для достойного ответа Руслану.

Тем временем Римма Аскеровна представила всех, подводя гостей к макету реконструкции, и это стало спасением от неловкой ситуации:

– Итак, фонд «Будущее детям» – основной организатор вечера. Фонд «Новая опора» – наш партнёр в реконструкции, а архитектурный проект нам подарила компания, где работает Арсен Гасанов.

По завершении обсуждения всех деталей представители фондов стали расходиться, и актовый зал постепенно пустел. Шум голосов стихал, оставаясь где-то за дверью.

Руслан снова оказался рядом, словно выжидал момент.

– Вы так и не дали ответ, – произнёс он, чуть наклонившись, и его улыбка была слишком уверенной. – Нам определённо нужно пообщаться.

Арсен стоял всего в нескольких шагах, и Лана знала – он слышит каждое слово.

Она встретила взгляд Руслана и, чуть приподняв подбородок, ответила спокойно, но без намёка на согласие:

– Думаю, всё, что нужно, мы уже обсудили здесь.

Слова были сказаны мягко, но так, что между ними пролегла ледяная грань. Она сделала шаг в сторону выхода, и вдруг почувствовала, как чья-то сильная ладонь сжала её запястье.

Её сердце забилося слишком быстро.

– Нам нужно поговорить, – сказал он тихо, но так, что возражения казались бессмысленными.

Лана выдохнула, но не вырвалась. И знала, разговор будет непростым.

Глава 7

Она шла к выходу из детдома, стараясь не оборачиваться. Слишком много всего сегодня случилось – Саша, странная встреча с Русланом, этот напряжённый взгляд Арсена, который прожигал спину. Но шаг за шагом она чувствовала, что он догоняет.

И вот, когда она уже почти коснулась двери, сильная ладонь перехватила её запястье.

– Поехали, – тихо, но жёстко сказал он.

– Не надо. Я сама доберусь, – вырвала руку Лана, но он даже не дрогнул.

– Лана, хватит. Мы уже играли в это. Дай я просто отвезу. Без сцен.

Она уже хотела возразить, но его взгляд не оставил ей пространства для отступления. В нём было что-то опасное – смесь решимости и боли. Так он вёл её к машине, не дав ни секунды перевести дыхание. Хотелось уйти. Убежать. Но ноги сами привели её к машине. Она села рядом, натянуто молча, глядя в окно. Минуты шли в тишине. Только шуршание шин и редкие всполохи фар встречных машин. Воздух в салоне был натянут, как струна, пропитан её духами, его мускусным теплом и напряжением.

Лана смотрела в окно, будто пейзаж снаружи мог спасти её от мысли, что в машине – он. Арсен держал руль так, что побелели костяшки пальцев.

– Ты же понимаешь, – его голос был низким, но напряжённым, – это была подстава. Лица... она не при чём. Кто-то специально сделал это фото.

– Конечно, – горько усмехнулась она. – И ты просто оказался в кадре случайно? Только удивительно, почему же без рубашки?

– Лана... – он бросил на неё быстрый взгляд, и в нём зажглась злость. – Я не собираюсь оправдываться, как школьник, пойманный на вранье.

– О, а я и не просила! – её голос стал выше. – Я просто хочу понять, с кем я жила всё это время! С мужчиной, которого знала... или с тем, кто лгал мне, глядя в глаза!

– Ты несёшь чушь, – сорвался он, ударив ладонью по рулю. – Ты знаешь меня.

– Думаешь? – она резко повернулась к нему. – После этого я уже не уверена, что вообще тебя знала.

Он выдохнул, медленно, но в этом выдохе слышалось напряжение, как перед ударом.

– Проблема в том, что ты знаешь меня слишком хорошо, – произнёс он тихо, но жестче. – И ты врешь себе, если говоришь, что больше ничего не чувствуешь.

– Хватит! – в её голосе дрогнула нота, выдавшая, что он попал в точку. – Даже слушать этого не желаю!

– А чего ты боишься? – прищурился он. – Что снова потянешься ко мне, как всегда?

– Останови машину! – почти выкрикнула она, чувствуя, как горло сжимает.

– Нет, – его голос был стальным.

– Останови, Арсен! – она резко схватилась рукой за горло, пытаясь сделать глубокий вдох. – Мне нужен воздух... мне тяжело дышать рядом с тобой.

– Может, тебе тяжело от того, что я рядом... и ты всё ещё хочешь этого? – он наклонился чуть ближе, но не сводил взгляда с дороги.

– Ты не исправим, – процедила она, и в этом было и раздражение, и отчаянное желание, которое она боялась признать.

Лана попыталась открыть дверцу машины на ходу, и тогда он резко нажал на тормоз. Машина встала у обочины, вокруг тянулась пустая вечерняя дорога. Лана вырвалась из ремня безопасности и вышла, глотая прохладный воздух.

– Чего ты добиваешься? – её голос дрожал от злости. – Чтобы я поверила в сказку про подставу?

– Нет, – он шагнул к ней, и в его движении было слишком много силы. – Чтобы ты вспомнила, кто мы.

– Мы? – она рассмеялась нервно. – Мы разрушены, Арсен.

Он оказался слишком близко. Так близко, что она почувствовала его тепло, запах его кожи, то самое знакомое смешение свежего одеколона и чего-то тёплого, мужского.

– Тогда дай мне разрушить тебя до конца, – прошептал он, и прежде чем она успела отступить, его губы накрыли её.

Сквозь боль и слабость Лана всё же вырвалась. Тяжело дышала и смотрела в его глаза полные страсти. Он шагнул к ней, и Лана отступила... пока спина не упёрлась в холодный металл капота. Сердце глухо стучало в висках, дыхание сбивалось, но она не могла отвести взгляда от его лица.

Арсен навис, его тень закрыла остатки вечернего света. Ладонь упёрлась в капот рядом с её бедром, вторая крепко взяла её за подбородок, заставляя поднять голову.

– Ты всё ещё моя, – прошептал он, так близко, что горячее дыхание коснулось её губ.

Прежде чем она успела возразить, его руки оказались на её талии, резким движением развернув к машине лицом. Её ладони упали на холодный металл, а он прижался к её спине, так плотно, что она почувствовала его силу, твёрдую, безжалостную.

Губы коснулись её шеи, скользнули ниже, оставляя жгучие поцелуи. Одна рука обхватила её грудь и сжала так, что у неё вырвался короткий стон. Большие пальцы настойчиво поглаживали через ткань, дразня, лишая возможности дышать ровно.

– Не... – выдохнула она, но звук больше походил на мольбу, чем на протест.

Его ладонь скользнула ниже, медленно, по животу, и остановилась на линии её пояса. Задержалась на мгновение, как предупреждение, а потом, не давая ей шанса отодвинуться, нырнула под ткань, коснулась горячей, влажной кожи.

Лана резко втянула воздух, спина выгнулась, бёдра непроизвольно подались навстречу. Его пальцы двигались уверенно, дразня и усиливая каждое ощущение, и она уже не знала, что в ней сильнее – злость или этот безумный голод.

– Скажи, что не хочешь, – его голос был хриплым, прерывающимся от дыхания. – И я останавлиюсь.

Она сжала глаза, цепляясь пальцами за край капота, но слова не пришли. Вместо них вырвался тихий, сдавленный стон.

Арсен усмехнулся, и в этой усмешке было слишком много победы. Он продолжал ласкать её так, что в коленях появилась слабость, а разум окутал туман. Когда его пальцы нашли тот самый ритм, она перестала бороться, отдалась этому ощущению, чувствуя, как внутри рвётся что-то удерживавшее её до этого момента.

Он вдруг отстранился, разворачивая её к себе, и уже не давал ей времени отдышаться. Его губы обрушились на её губы. Это был не поцелуй – это был захват, грубый и требовательный, как будто он хотел вытолкнуть из неё всю злость и забрать обратно всё, что когда-то потерял. Жёсткие мужские губы обожгли её, настойчиво, без права на отступление. Лана упёрлась ладонями в его грудь, чувствуя, как под тканью рубашки бьётся сердце – быстро, как у загнанного зверя. Она хотела оттолкнуть его, но пальцы сами сжались в кулаки, цепляясь за ткань, рвущуюся под её хваткой.

Он прижимал её к себе так, что она услышала, как вырвался у него хриплый вздох, почувствовала, как напряглось его тело. Горячие ладони скользнули по её спине вниз, к бёдрам, хватая жадно, будто он боялся, что она выскользнет. Он поднял её на руки, и мир словно перевернулся, и только тогда, переноса через узкую полосу дороги, опустил на мягкую траву... трава мягко пружинила под спиной, но холод земли тут же смешался с жаром его тела, нависшего над ней.

Его руки, грубые и тёплые, рвали на ней застёжки, ткань одежды жалобно трещала. Каждое движение было быстрым, резким, но не безумным – он будто знал, куда коснуться, чтобы она перестала дышать.

– Ненавижу тебя... – выдохнула она, но голос сорвался, превратившись в стон.

– Ври дальше, – хрипло отозвался он, и его ладонь легла на её шею, не сжимая, но заставляя чувствовать его силу.

Её бедра сами приподнялись навстречу ему, встречая рваный, почти яростный ритм. Ткань смялась и съехала, и теперь каждый его толчок был голым, обжигающим, глубоким. Он двигался, будто пытался оставить след внутри, вытеснить всё, кроме себя.

Его дыхание било в её ухо, горячее, рваное. Зубы коснулись кожи, оставляя жгучие отметины на ключице, на плече. Её ногти впивались в его спину, царапали, вызывая у него глухие, почти звериные звуки. Она чувствовала, как мышцы его спины и бёдер напрягаются с каждым движением, как тепло от его тела накрывает её с головой. Воздух вокруг густел от запаха их тел, от тяжёлого смешанного дыхания.

Он замедлялся, потом снова ускорялся, как будто играл с её пределом, доводя до точки, где боль и наслаждение становятся одним. Она запрокинула голову, хватая ртом воздух, а он поцеловал её горло, жадно, с лёгким прикусом, от которого внизу живота сжалось всё.

Её тело под ним дрожало, каждое прикосновение отзывалось внутри горячей волной. Она ненавидела, что хотела его так сильно, но сопротивление растворялось в ритме, в напоре, в том, как он шептал ей что-то неслышимое на ухо, губами касаясь её кожи.

Кульминация накрыла их обоих одновременно, как взрыв, срывающий всё, что было накоплено за всё время боли и желания. Лана почти вскрикнула, захлёбываясь в экстазе, и почувствовала, как по щекам катятся горячие слёзы...

Они лежали, тяжело дыша, обессиленные. Её спина ощущала холод земли, но всё тело горело. Арсен перевернулся на бок, большим пальцем стёр слезу с её щеки.

– Я долго думал, – нарушил тишину Арсен.

– О чём?

– О детях. О нас. О том, чего ты хотела, а я боялся.

Лана замерла на мгновение.

– И? Теперь решил, что можно попробовать? Что я буду рада снова... быть рядом?

Он переплёл их пальцы. Глубоко вздохнул и тихо выдохнул.

– Давай усыновим ребенка. Из детдома. С тобой. Вместе. Подарим шанс и малютке, и нам.

Лана чуть не захлебнулась воздухом. Резко привстала, отчего показалось, что мир пошатнулся. В голове возник туман, а глаза накрывала пелена отчаяния. Слова ударили сильнее, чем всё, что было до этого. Она пристально смотрела на него, в её глазах медленно загоралось непонимание, переходящее в боль.

– Ты... Что? – нервно сглотнула, переводя дыхания, – Усыновить? Почему? Почему не наш?

Он сглотнул, опустил глаза, прежде чем хрипло ответить.

– Потому что... я не знаю... мне страшно...

– Я могу родить сама. Твоего ребёнка. Разве... ты этого не хочешь? – прошептала она, голос чуть дрогнул.

Арсен отвёл взгляд, и в этот момент она поняла, что ответ будет хуже, чем молчание.

В груди что-то сжалось, воздух стал тяжёлым. Она поднялась, накинула одежду, чувствуя, как к горлу подступает ком.

– Отвези меня обратно, – её голос был ровным, но внутри всё кричало.

Он молча встал, а в его глазах осталось что-то невысказанное.

Молчание в машине давило. Каждый поворот колёс казался длиннее, чем предыдущий. В свете фар мелькали тени, а между ними – напряжение, которое они оба боялись разорвать

словом. Лана прижимала пальцы к губам, будто хотела стереть вкус поцелуя, а Арсен держал руль, не позволяя себе даже взглянуть на неё.

Машина медленно катилась по пустой вечерней улице. Фары выхватывали из темноты обочину и редкие силуэты деревьев. Лана сидела, откинувшись в кресле, но спина была напряжена, как струна. Она смотрела в окно, будто там был ответ на все вопросы. Арсен вёл машину молча, его рука крепко сжимала руль, и по тому, как у него напрягалась челюсть, она понимала – он тоже ищет слова.

В салоне стоял густой, вязкий воздух, наполненный их дыханием и несказанным. Лана прижимала ладони к коленям, стараясь не вспоминать, что произошло минутами ранее на обочине. Но тело предательски отзывалось – едва заметной дрожью в пальцах, пульсом в висках.

Арсен пару раз будто собирался что-то сказать, но так и не решился. Она чувствовала его взгляд сбоку, но не поворачивалась.

У подъезда он заглушил мотор. Молчание давило.

– Лана...

– Не надо, – перебила она, быстро отстёгивая ремень. – Сегодня ты достаточно сказал.

Она открыла дверь и вышла, не оборачиваясь. Сердце колотилось, а в груди всё ещё жило то странное ощущение – смесь злости, стыда и желания.

В квартире она прислонилась спиной к двери и глубоко вдохнула. Телефон в сумке завибрировал, пришло сообщение от Светки.

«Руслан интересовался тобой. Хочет пригласить на встречу. Говорит, по работе».

Лана усмехнулась, но улыбка вышла кривой. «По работе» – ну конечно! Она вспомнила его пристальный взгляд в детдоме и невольно сравнила с тем, как смотрит на неё Арсен. У Руслана в глазах было любопытство и притяжение. У Арсена – буря!

Она прошла на кухню, налила себе воду, но выпила залпом, будто это могло смыть вкус его поцелуев. Мысли вернулись к его фразе об усыновлении. Почему? Почему он не хочет ребёнка от неё? Вопрос жёг изнутри. Слезы медленно катились из глаз. Только она их не ощущала.

Лана села на диван, натянула на себя плед. Телефон снова завибрировал, на этот раз звонок. На экране высветилось имя – Римма Аскеровна.

– Ланочка, здравствуй, – в голосе директора детдома слышалась усталость, но и тепло. Хотела поблагодарить тебя за сегодняшний день. Ты очень помогла с Сашей.

– Не за что, – мягко ответила она, стараясь не подавать виду, что расстроена и не шмыкать носом.

– И... мы с фондом «Будущее детям» надеемся увидеть тебя, как амбассадора на наш благотворительный вечер по сбору средств для реконструкции детдома. Ты ведь будешь?

– Конечно, – ответила Лана, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

На том конце провода Римма помолчала, и в её голосе появилось едва уловимое, но тёплое волнение:

– Ланочка... я волнуюсь за тебя, может заедешь поговорить?

– Не сейчас Римма Аскеровна, – всё же не сдержалась Лана и шмыгнула носом.

– Ты ведь что-то скрываешь. Я слышу.

Лана сжала пальцы на плече. Горло предательски сжалось, но она выдохнула:

– Просто устала. День был длинным.

Римма ничего не сказала, но Лана почти видела, как она нахмурилась, как в её взгляде отразилась тревога. Сказать про разговор с Арсеном, про эти жгучие слова об усыновлении, которые разрезали сердце, просто не хватило сил.

Они ещё немного поговорили, и Лана почувствовала, как напряжение чуть спало. Но стоило отключиться, как телефон снова подал сигнал, и на этот раз сообщение от незнакомого номера: «Может поужинаем в пятницу? Руслан».

Она положила телефон экраном вниз и зажмурилась. Внутри уже начиналась буря. И она знала: Арсен не отреагирует на это спокойно, если узнает.

После разговора с Ланой Арсен сидел в машине ещё несколько минут, сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев. В висках стучало, и этот стук мешался с эхом её слов:

«Разве ты этого не хочешь?»

Он закрыл глаза и выдохнул. Ответить ей тогда он не смог. Но одно он знал точно: сидеть и дальше сложа руки больше нельзя. Позже подумает о этом. А сейчас, нужно докопаться до истины.

Он достал телефон, пролистал список контактов и остановился на имени: «Кэмаль». Старый друг, когда-то работавший в частной охране, потом ушёл в более тёмные дела, но всегда оставался верен Арсену.

– Ас-саяму алейкум, брат, – ответил Кэмаль спустя пару гудков.

– Вaleyкум ас-саям. Мне нужен твой нос, Кэмаль. Кто-то выложил моё фото. Найди.

– Что за фото?

– Личные. Лана видела. И это не случайно.

Кэмаль хмыкнул:

– Понял. Скинешь, откуда пошло?

– Уже.

Арсен открыл папку, куда ему переслали скрин из чата. Там был логотип маленького телеграм-канала, о котором он раньше и не слышал – «Город без фильтра». Пост выложили вечером, а через час уже сотни репостов. Он отправил скрин другу.

– Дай мне день, – сказал Кэмаль. – Но ты должен понимать, брат... такие вещи не просто так делают. Тут кто-то близкий копает.

– Я это и хочу узнать.

Вечером Арсен заехал в свой офис. Все уже разошлись, только в соседнем кабинете светила лампа – секретарь задержалась. Он молча прошёл к своему столу, включил ноутбук и начал искать всё, что мог, по этому каналу. Выяснилось, что посты там часто бывают про городскую элиту, скандалы, и большинство из них анонимные.

«Кто-то очень хочет меня втоптать в грязь», – подумал он.

В дверь тихо постучали.

– Можно? – заглянула Ирис, его помощница.

– Заходи.

– Я видела, что произошло... Арсен, если тебе нужна помощь...

– Мне нужны все входящие письма и звонки за последние две недели. И список людей, с которыми я встречался.

– Хорошо.

Она вышла, а он снова набрал Кэмаля.

– Ну?

– Есть зацепка. Канал ведёт парень по имени Глебов. Но он не автор поста. Фото ему прислали через анонимный аккаунт. И знаешь, что? IP совпадает с одним из офисов партнёрского фонда.

Арсен нахмурился.

– Какого фонда?

– «Новая опора».

Фамилия Руслана Тихонова сама всплыла в его голове. Арсен почувствовал, как поднимается волна холодной ярости. Он вспомнил, как сегодня тот смотрел на Лану в детдоме. Слишком уж открыто.

Он выключил свет, вышел и набрал ещё один номер.

– Зураб, мне нужно встретиться. Завтра. Утро. Это важно.

Зураб был его двоюродным братом, но главное, человеком, который умел находить концы даже в самой мутной воде.

– Буду, – коротко ответил он.

Арсен шёл к машине медленно, словно обдумывая каждый шаг. Он не собирался устраивать глупую месть, он собирался докопаться до источника и раздавить его. Без шума. Без следов. Так, чтобы никто не смог встать у него на пути.

В голове крутилась мысль:

«Если это сделал Тихонов... он пожалеет, что вообще оказался в одном городе со мной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.